

Хан Пин рос на тех же канонах, что и прочие благородные мужи Великой Чжоу. Что бы ни творилось у него на душе, внешне он всегда свято чтит сыновний долг. Дома он и пикнуть не смел наперекор Старой госпоже Хань, пуще огня боясь клейма непочтительного сына, за которым неминуемо последовала бы потеря чина.

Судя по себе, он ожидал такой же покорности и от Хан Сиэня. В конце концов, юноша был законным наследником Поместья герцога Хань — лицом рода, хранившего безупречную репутацию на протяжении века. И именно Сиэню в будущем предстояло унаследовать всё это величие.

Хан Пин не сомневался: случись вокруг их семьи грязные толки, Сиэнь затрепетал бы первым. Поэтому, прослышав о назначении племянника императорским уполномоченным в Цзяннань, он хоть и изумился, но в глубине души вздохнул с облегчением. Всё-таки он приходился юноше родным дядей, третьим в роду, а кровь — не водица.

Вскоре пришла весточка от старшего брата, Хан Чжо. Герцог туманно намекал, что после того злополучного падения в воду Сиэнь очнулся совершенно другим человеком: нрав его стал непредсказуемым, а поступки — пугающе взбалмошными. При разгроме усадьбы Ли он не пощадил никого. Хан Чжо настойчиво советовал брату в Цзяннани заниматься исключительно своими делами, не лезть на рожон и пропускать мимо ушей возможную дерзость племянника.

Мужи, искушённые в дворцовых интригах, никогда не рубили с плеча, всегда оставляя недосказанность между строк.

В такое беспокойное время Хан Чжо не мог писать открыто. Он не смел прямо упоминать волю государя или тайные приказы, ведь попади письмо в чужие руки, доноса государю об оскорблении величия было бы не избежать.

Тем не менее скрытый смысл Хан Пин уловил без труда. Суть сводилась к одному: нынешний Хан Сиэнь — далеко не тот кроткий калека, что раньше. Он обласкан императором и без малейших колебаний стёр с лица земли дом министра чинов Ли Чжуна, доведя того до могилы, а его близких отправив в кандалах на каторгу. Брат предостерегал: «Прибери за собой, замёти следы и не смей подставляться под удар».

К словам старшего брата Хан Пин относился с глубоким почтением. Однако предупреждение о крутом нраве племянника он всерьёз не принял. Хоть дела службы и держали его годами в сытой Цзяннани, о тайнах Поместья герцога Хань он знал предостаточно. В его памяти Сиэнь оставался вечно чахлым затворником, безвылазно томившимся в постели, безропотным и тихим.

«Взбрыкнул парень, — рассудил он про себя. — Видно, допекло отношение отца».

Хан Пин прекрасно знал, что герцог никогда не питал нежных чувств к детям от покойной супруги. Так что внезапный бунт племянника его не удивил. Более того, когда-то он малодушно думал, что окажись он сам на месте заброшенного Сиэня, то устроил бы бучу

гораздо раньше.

Интриги на женской половине дома плетутся скрытно, под надзором старших, но при желании найти лазейку и нанести ответный удар — пара пустяков. А то, что Сиэнь разгромил поместье Ли Чжуна... Что ж, мальчишке просто не терпелось выслужиться перед государем, вот он и заигрался в жестокость, перегнув палку.

Однако дядя был убеждён: как бы ни свирельствовал Сиэнь, он ни за что не посмеет запятнать честь собственного рода. Именно поэтому весть о том, что племянник в первый же день по прибытии в уезд Минъань разнёс в щепки дом уездного судьи Син Цзюньжана, повергла Хан Пина в истинный шок. А когда генерал-губернатор Лянцзяна Чжоу Маань вызвал его к себе и принялся вкрадчиво расспрашивать о причудах характера нового императорского уполномоченного, Хан Пин и вовсе лишился дара речи от растерянности.

Он наивно полагал, что столичные погромы были лишь кровавым подношением для завоевания доверия на троне. Кто бы мог подумать, что, едва переступив границу Цзяннани, этот безумец с ходу бросит за решётку местного градоначальника!

Поняв, что Хан Пин знает о собственном племяннике не больше, чем о погоде на луне, Чжоу Маань недовольно поморщился и выставил его вон. Напоследок, впрочем, сухо обронил, что родственные узы обязывают держать дистанцию — во избежание лишних толков.

Вернувшись в свою резиденцию, Хан Пин долго не мог прийти в себя. Когда оцепенение наконец сменилось бешеной яростью, он устроил слугам жестокий разнос. Под горячую руку попала новоявленная, ещё вчера любимая наложница — её легкомысленный лепет так взбесил хозяина, что несчастную немедленно, без лишних слов, продали перекупщикам.

Однако облегчения это не принесло. Из разных уголков провинции одна за другой долетали вести о новых погромах, чинимых Сиэнем. От бесконечной тревоги виски Хан Пина за считанные дни подёрнулись сединой. Он всерьёз опасался, что сумасбродный родственник, крушащий всё на своём пути без разбора чинов и связей, мимоходом похоронит и его собственную карьеру.

Все эти дни Хан Пин жил как на иголках. Помня приказ генерал-губернатора не соваться к племяннику, он безвылазно сидел в четырёх стенах, изнывал от бессонницы и преданно ждал, когда Чжоу Маань вновь призовет его.

И дождался. Сегодня доверенный человек Чжоу Мааня передал, что Хан Сиэнь вступил в Лючжоу. Было велено передать: поскольку родственники давно не виделись, а юный уполномоченный славится своей неподкупностью и строгостью к закону, дядюшке более нет нужды прятаться.

Хан Пин, конечно, понимал всю фальшь этих витиеватых речей. Генерал-губернатор попросту намеревался выставить его живым щитом и наживкой, дабы прошупать истинные намерения грозного уполномоченного. Скрипя зубами от унижения, но не смея послушаться, дядя

послушно отправил Сиэню приглашение в трактир.

Использовали его или нет, Хан Пин и сам отчаянно жаждал этого разговора. Едва завидев вошедшего Сиэня, он напустил на себя строгий вид и с ходу заговорил влажным, поучающим тоном старшего, спеша излить всё скопившееся недовольство.

Впрочем, дерзкий отпор племянника не стал для него неожиданностью. Судя по слухам из уездов, малый совершенно растерял остатки стыда и скромности. И всё же неприкрытая наглость, с которой Сиэнь парировал его упрёки, заставила кровь прилить к лицу старого чиновника.

Дядя нахмурился и вперил в племянника тяжёлый взгляд:

— Насколько мне известно, ты громишь усадьбы без единой веской улики. Как у тебя только рука поднимается на такое беззаконие? Или тебе безразлично, что под твоими пытками невинные сознаются в чём угодно?

Хан Сиэнь вскинул бровь. Окинув ленивым взглядом постную, застывшую физиономию родственника, он протянул с издёвкой:

— Выбивал я признания или нет — об этом меня волен спрашивать лишь его величество, но никак не ты, третий дядя. Если ты позвал меня вспомнить былые времена, я готов посидеть ещё немного. Но коли вздумал читать нотации о том, как мне исполнять свой долг, то лучше прикуси язык. Я здесь — волей государя, а не по своей прихоти. При всём уважении к твоим сединам, я не стану нарушать священный указ и делиться государственными тайнами, о которых император ещё не извещён.

Высокомерный тон племянника и его ядовитая усмешка окончательно лишили Хан Пина самообладания. Гнев горячей волной ударил в голову. С силой хлопнув ладонью по столу, он вскочил и, ткнув в Сиэня дрожащим пальцем, вытаращил глаза:

— Да как у тебя язык поворачивается?! Ты ещё помнишь, перед кем стоишь? Я твой родной дядя! Ни капли почтения, ни грамма воспитания... Кто внушил тебе, что можно так вести себя со старшими?!

Улыбка медленно сползла с лица Хан Сиэня, уступив место ледяному, пугающему равнодушию. Вперив в дядю колющий взгляд, он тихо обронил:

— А с чего ты взял, что я должен говорить с тобой иначе?

Хан Пин опешил, задохнувшись от возмущения. Сиэнь же, потеряв всякий интерес к беседе, неторопливо поднялся со стула. В столице ему ещё приходилось играть роль благовоспитанного наследника ради приличия, но здесь, на юге, где небо высоко, а государь

далеко, этот никчёмный чиновник средней руки не стоил и ломаного гроша.

Откинув полы одеяния, Сиэнь холодно усмехнулся:

— Я соблаговолил явиться на твой зов лишь из милости, выказывая уважение к нашей крови. Но то, что я зову тебя дядей, вовсе не значит, что ты можешь помыкать мной. Если за твоей душой водятся грехи, если ты предал доверие его величества и теперь не можешь сомкнуть глаз по ночам, лучше облегчи душу прямо сейчас. По старой памяти я, так и быть, замолвлю за тебя словечко в докладе императору — глядишь, он позволит похоронить тебя в цельном гробу, без плахи. А свои семейные замашки оставь при себе. Ни один человек в Поднебесной, кроме самого государя, не смеет указывать мне, как поступать. К тому же, если говорить о чинах, ты сейчас — не более чем мой подчинённый. Твой ранг ничтожно мал по сравнению с моим, и при встрече ты обязан отвесить мне земной поклон. Чтобы не давать повода для кривотолков, изволь впредь соблюдать приличия и блюсти этикет. Об этой нашей встрече я, разумеется, во всех подробностях доложу его величеству. И напоследок дружеский совет, дорогой дядя: голова человеку дана не только для того, чтобы носить чиновничью шапку. Думай ею почаще и поменьше суй нос в чужие дела. А то ведь недолго и надорваться от излишнего усердия.

Наблюдая, как лицо Хан Пина стремительно бледнеет, а затем наливается багровой краской, Сиэнь почувствовал приятное удовлетворение. Слегка сощутив глаза, он с улыбкой подытожил:

— Завтра у меня много важных дел государственной важности, так что на сегодня наши посиделки окончены. Но если ты вдруг заскучаешь по племяннику, дядя, смело присылай новое приглашение. Я всегда найду время, чтобы вразумить тебя на путь истинный.

Хан Пин лишился дара речи. Он лишь безвольно тыкал пальцем в сторону Сиэня, его побелевшие губы судорожно подёргивались, но из горла не вылетело ни единого звука.

Насмешливо хмыкнув, Хан Сиэнь развернулся, толкнул дверь и вышел из душевной комнаты.

Стоило ему завернуть за угол трактира, как из густых вечерних теней соткался Бай Шу. Одетый во всё чёрное, с надвинутым на лоб капюшоном и скрытым под маской лицом, он лишь сверкнул глазами.

— За нами хвост, — едва слышно шепнул он.

Не дожидаясь ответа, инструктор Бай увлёк Сиэня за собой, ловко петляя по тёмным переулкам и быстро запутывая следы.

Убедившись, что слежка окончательно сброшена, Бай Шу отпустил его руку.

— Возвращаемся.

Сиэнь искоса взглянул на спутника. Заглянув в его мысли, он с удивлением обнаружил там полнейшее умиротворение и даже лёгкое, едва уловимое веселье. Это озадачило юношу.

— Ты слышал всё, о чём мы говорили с дядей, — обронил он.

Это был не вопрос. Скрытые таланты и высокое мастерство Бай Шу позволяли ему без труда различать шорох падающей листвы, не говоря уже о громкой беседе за тонкой перегородкой.

Сиэня забавляло то, что за всё время допроса в мыслях телохранителя не промелькнуло ни единого суждения о семейной ссоре. В этом молчаливом спокойствии крылось нечто притягательное.

Бай Шу молча кивнул. Из-за этого движения его мягкие, слегка пухлые щёки забавно колыхнулись, придав грозному воину неожиданно милый вид.

— И как тебе? — полюбопытствовал Сиэнь.

Ему было откровенно скучно, и молчаливый попутчик казался идеальным собеседником для праздных расспросов.

Бай Шу недоумённо моргнул:

— Да никак. Обычное дело.

Глядя на его простодушное лицо, Сиэнь лишь вздохнул. Настроение вести пустые разговоры улетучилось, и он вновь погрузился в привычное ленивое молчание.

Бай Шу покосился на него, недоумевая, к чему был этот странный вопрос.

"И что он хотел услышать? — мысленно проворчал инструктор. — Вечно у него на уме какие-то загадки. То молчит часами, то спрашивает неведь что. Поди разбери его, странный он какой-то"

Уловив это беззлобное ворчание, Сиэнь лишь снисходительно усмехнулся.

"Обычно самыми странными кажутся те, кто сам полон чудачеств, но упорно этого не замечает, — лениво подумал он. — Извечный человеческий порок"

Когда они вернулись на постоянный двор, во главе стола при тусклом свете масляной лампы

сидели уездный князь Юй, Цзи Ло, и наследник Цзи Юэ. Оба внимательно разглядывали лежавшее перед ними приглашение, и лица их выражали крайнюю озабоченность.

Завидев вошедших, князья поднялись с мест. Цзи Ло протянул Сиэню плотный лист дорогой бумаги:

— Завтра генерал-губернатор Лянцзяна, Чжоу Маань, устраивает званый ужин в своей усадьбе. Мы все приглашены. Вот, взгляни.

Юноша небрежно перехватил послание и, даже не раскрыв его, швырнул обратно на стол. Цзи Ло с сомнением покосился на него, а затем перевёл пытливый взгляд на стоявшего за его спиной телохранителя, беззвучно вопрошая, как прошла встреча с дядей. Уж слишком хмурым выглядел Сиэнь.

Бай Шу лишь неопределённо качнул головой. Так и не поняв, означал ли этот жест провал или простое нежелание болтать, Цзи Ло вздохнул и повернулся к Сиэню:

— Лючжоу — чужая для нас земля, и мы пока не знаем, кто здесь друг, а кто враг. Но в одном я уверен: это приглашение от Чжоу Мааня таит в себе скрытую угрозу. Мы тут посоветовались с Цзи Юэ и пришли к выводу, что против нас вполне могут пустить в ход... медовую ловушку.

При этих словах и Сиэнь, и Бай Шу разом уставились на него. Вот только в глазах Сиэня промелькнул живой, издевательский интерес, тогда как инструктор Бай мгновенно нахмурился, и лицо его выразило крайнее недовольство.

<http://bllate.org/book/20088/2002009>